

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО (к вопросу о классификации)

Сомов Сергей Эдуардович

заведующий кафедрой литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Ключевые слова: трагедокомедия, школьная драма, духовно-религиозный, надпись к иконе, эпитафия, поэтическая миниатюра, элегия.

В статье анализируется состав сохранившегося поэтического наследия Белорусского архиепископа Георгия Конисского (1717–1795), предлагается жанровая классификация его произведений.

Белорусский архиепископ Георгий Конисский известен некоторым современным белорусским исследователям как великий деятель эпохи Просвещения, ученый-философ, историк, оратор, первый святой в истории города Могилева. Но совсем немногие наши современники знают, что Георгий был еще и талантливым литератором, ярко проявившим свой философский ум и образованность в различных жанрах поэзии. Конисского-поэта в настоящее время мы фактически не знаем совсем, поскольку его произведения длительное время не публиковались и, соответственно, не изучались наукой.

Интерес к поэзии возник у Григория Конисского еще в период обучения в Киево-Могилянской академии, когда он познакомился с произведениями античных авторов и европейских писателей, представленными в богатой академической библиотеке. Неслучайно первой кафедрой, на которую он был определен в качестве преподавателя была кафедра пиитики. Авторский курс поэтики Конисского изобилует поэтическими примерами, автором которых является сам Георгий. Немало поэтических иллюстраций на латыни сохранили и рукописи второго значительного сочинения Конисского – «Философии». Конисский-мыслитель никогда не довольствуется сухим изложением материала, он делает его осязаемым, ярким, близким слушателю.

Самым значительным поэтическим произведением Конисского, созданным в период его жизни в Киеве, явилась написанная в 1747 г. на русском языке трагедокомедия на духовно-религиозную тематику «Воскресение мертвых» [1]. Это классицистическое по форме произведение создано в духе популярных в то время школьных драм. Оно состоит из пяти действий с прологом и эпилогом, включает в себя оригинальные канты. К нему прилегают пять интерлюдий, которые выводят на сцену представителей различных слоев общества, обрисованных в просветительски реалистических чертах [2]. В трагедокомедии Конисского ярко выражен религиозно-назидательный аспект. Пьеса была призвана не только развивать эстетические чувства участников постановки – семинаристов – и зрителей, но и прививать им лучшие христианские качества.

Одним из героев произведения выступает земледелец, который осматривает свои поля и задумывается сначала о проросшем и погибшем в земле зерне, а потом о возможности воскресения тленного человеческого тела. Священник объясняет земледельцу, что воздаяние в будущей жизни будет совершаться по делам людей в жизни нынешней. Так на сцене возникают два героя-антипода – Диоктит и Гипомен (имена героев уже свидетельствуют о классицистической ориентации на античность). Диоктит – тип человека злого и жадного, который безсовестно отнимает у Гипомена имение, семейное счастье и честь, заточает его в темницу закованного в кандалы. Гипомен, напротив, человек смиренный, честный и терпеливый. Он пытается увещевать Диоктита, напоминает ему о Божьем суде, но все его взывания к совести соседа остаются безрезультатными; тот только лишь насмехается над верой праведника. В финале произведения, несущем основную нравственную нагрузку, изображается различный итог человеческой жизни. Гипомен умирает от ран, но с душевным спокойствием и верой в бессмертное блаженство – а Диоктит погибает от пьянства в мучениях и страхе. В итоге автор изображает райское блаженство Гипомена на небесах и адские муки Диоктита в преисподней.

Наибольшее число поэтических произведений Конисского последующих лет было собрано в XIX веке протоиереем Иоанном Григоровичем в первом и единственном на сегодняшний день далеко не полном двухтомном собрании сочинений Георгия. Стихотворения представлены здесь во втором томе после писем и составляют самостоятельный раздел [4, с. 245–269].

В указанном собрании сочинений преобладают поэтические надписи к различным иконам – их 25. Большого всего надписей создано Конисским к иконам святых (10): «Надпись к иконе Архангела Михаила, поражающего диавола»; «К Иконе Св. Великомученицы Варвары»; 2 «Надписи к Иконе Св. Великомученика Георгия», небесного покровителя Конисского; 2 «Надписи к Иконе Св. Чудотворца Николая»; «Надпись к Иконе Св. Анны»;

«Св. Первомученика Стефана»; «Св. Великомученика Евстафия»; «Надпись к Иконе Св. Пророка Самуила, отправленной к Митрополиту Киевскому Самуилу Миславскому».

Пять надписей создано Георгием к образам Божией Матери, считающейся небесной покровительницей славянских земель, а потому очень почитаемой в народе (только на Могилевщине, где в сане епископа Георгий Конисский провел большую часть своей жизни – 40 лет, с 1755 по 1795 г., помимо общеизвестных особо почитались несколько местных чудотворных икон Богородицы: Могилево-Братская, Бельничская, Борколабовская, Тупичевская и Патриаршая Пустынная): «К Иконе Богоматери с Предвечным Младенцем»; «К Иконе Богоматери, изображенной с Предвечным Младенцем и Иоанном Крестителем»; «К Иконе Богоматери, изображенной с мечем, вонзенным в Ея грудь»; «К Иконе Благовещения Богоматери» и «К Иконе Успения Богоматери».

К образам Иисуса Христа, как ни странно, сохранилось всего 4 надписи: три «К Иконе Страждущаго Спасителя», одна – «К Иконе Преображения Господня» и одна «К Иконе, изображающей Закон и Евангелие».

В число поэтических надписей входят и краткие стихотворения светского содержания. Это две «Надписи к портрету Графа Миниха», а также ряд эпитафий: «Надгробная надпись келейнику Гловинскому», «Писарю Стефановичу», «Госпоже Королькевичевой». Завершает данный ряд поэтических надписей «Надгробная надпись Георгию Конисскому, сочиненная им самим» в 1793 г., которая была по распоряжению Георгия после смерти установлена над его захоронением в Спасо-Преображенском кафедральном соборе г. Могилева.

По своей смысловой функции надписи близки тропарям, кратко выражающим содержание того или иного церковного праздника, памятной даты. Они также кратко описывают смысл иконографического изображения или связанного с ним события, а помимо этого включают в себя, в отличие от тропарей, и назидательный элемент. Создававший надписи Георгий Конисский изначально стремился распространить представление о сути православных святынь не только и даже не столько среди своей паствы, сколько среди близких по вере, но в силу исторических обстоятельств враждебных, европейцев. В стиле надписей ощущается академизм Георгия, большинство из них написано на латыни или на польском языке, которые были явно незнакомы рядовым православным того времени, в большинстве своем слабо владевших даже родной письменной речью. Эти произведения сегодня требуют перевода.

К надписям, представленным Григоровичем в собрании сочинений Конисского 1835 г., примыкает несколько поэтических миниатюр: «Совет

больному», «На кончину Князя Г.А. Потемкина Таврического» и два «Подражания Virgiliю». Эти миниатюры характеризуют автора как большого знатока и тонкого ценителя классического наследия, остроумного мыслителя, извлекающего философские смыслы из обыденных жизненных обстоятельств.

Например, миниатюра «На кончину Князя Г.А. Потемкина Таврического» примыкает по своим жанровым признакам к эпитафии, однако ею не является. Судя по названию, сам автор выделил это стихотворение из ряда «Надгробных надписей» (келейнику Главинскому, писарю Стефановичу и, наконец, самому себе – Георгию Конисскому). «На кончину Потемкина» – скорее философское размышление о человеческой жизни и смерти, облеченное в поэтическую форму:

Взял Крым, хотел забрать Волохи и Молдавы,
Турецку потрясти и Польскую державы,
И – на песке сыром, между Ясс и Бендер,
Чужой плащ подослав, Потемкин наш умер!
Но не дивись тому: земель страх и Царей,
Беднее, на песках, скончался и Помпей!

Упомянув главный подвиг, составивший славу Григория Потемкина, – покорение Крыма, Конисский подчеркивает масштаб амбиций и властных притязаний воинственного князя – желание завладеть, «забрать» и «потрясти» и все сопредельные территории от Турции до Польши. В двух первых строках ощущается мелодика одического стиха, нарастающая патетика гимна полководцу и завоевателю, которая, однако, вдруг прерывается прозаичной по своему характеру картиной бесславной кончины человека в неизвестной стороне. Все амбиции, мечты, претензии на величие в итоге натываются на непреодолимую преграду – часто неожиданную и всегда неминуемую смерть. В ритме стиха Конисского эта преграда выражена паузой после союза «и –...», соединяющего одические и повествовательные строки. Восклицание, которое Георгий делает на слове «умер!», привносит в произведение заметную интонацию философской иронии над нелепым финалом жизни высокочтимого фаворита.

Небольшую, но важную группу стихотворных произведений Конисского составляют поэтические переложения псалмов. К ним относятся три произведения: «Преложение XIV Псалма», «Преложение XXIX Псалма» и «Преложение XXVI Псалма». Георгий, хорошо знавший русскую литературу своего времени, утверждавший идею благотворного влияния русской словесности (равно и языка) на малороссийскую и белорусскую культуру, несомненно, был знаком с популярными среди читателей XVIII века поэтическими переложениями псалмов Ломоносова, Державина, Сумарокова и

других авторов. Проба пера Конисского в этом жанре, конечно, уступает по уровню художественных достоинств произведениям указанных великих поэтов. Но Белорусский епископ вовсе не стремится на поприще эстетического состязания, для него было более важным выразить в изящной форме духовно-философское содержание древнего текста. Он по-прежнему остается более мыслителем-классицистом, нежели художником-классицистом.

Конисский как художник предстает перед нами и в жанре элегии. В собрании сочинений 1835 г. вошло только одно стихотворение, близкое к элегии. С теоретико-литературной точки зрения, в жанровом отношении оно достаточно неопределенно, хотя самим автором озаглавлено как «Песнь» [4, с. 261]. Данную философскую элегию, в отличие от всех других поэтических опытов Конисского, высоко оценил А.С. Пушкин, посвятивший в 1836 г. указанному выше собранию сочинений Георгия обстоятельную статью [3, с. 83–95]. В журнале «Современник» Пушкин не только письменно высказал свое восторженное мнение о фигуре Георгия Конисского и его трудах, но и опубликовал ряд выписок, объемных цитат из собрания сочинений, чтобы познакомить читателей с некоторыми наиболее важными суждениями просветителя. Именно Пушкин в рецензии определил жанр «Песни» Конисского как элегический, он назвал произведение «достопримечательным» и счел необходимым привести его целиком. В последующие годы эта главная поэтическая удача Георгия практически нигде не публиковалась, а потому осталась незамеченной литературоведением. Произведение, построенное в рамках канонов классицистической поэзии, исполнено не только мысли, но и вкуса, насыщено оригинальными метафорами, аллюзиями на Античность и Библейские сюжеты.

* * *

Серпа ожидают созрелые класы;
А нам вестники смерти – седые власы.
О! смертный, беспечный, посмотри в зеркало:
Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало.
Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь Правосудному Богу?
Путь смертный безвестен, и полон разбоя:
Искусснаго, храбраго требует конвоя.
Кто ж тебя поведет, и за тебя сразится?
Друг, проводив тебя к гробу, в дом возвратится.
Изнеможешь, пеший, таща грехов ношу!
Ах! тут-то нужно иметь подмогу хорошу,
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но – та дана слезам, кровавому поту.

А ты много ли плакал за грехи? Считайся.
Не весь ли век твой есть цепь грехов? Признайся.
Ах! вижу, ты нагиш, как родила мать:
Ни лоскутка на душе твоей не сыскать!
Поверь же, не увидишь в небесны чертоги:
В ад тебя низринут, связав руки, ноги.
Без масла дел благих гаснет свеча Веры;
Затворятся брачные буям девам двери.
Может быть, при смерти, «вспомяни мя» скажешь,
И тем уста свои навсегда завяжешь.
Итак, доколе древа топор не коснется,
Плод добрых дел тебе принести остается.

В целом, по тем сравнительно немногим дошедшим до нас поэтическим произведениям Конисского мы можем составить представление об уровне творческого дарования Георгия и направленности его творчества. Святитель всегда учит, проповедует – таково его земное поприще, его учительская задача. Поэтому даже художественное творчество Конисский обращал на дело духовно-нравственного просвещения народа. Все его произведения содержат назидательный элемент, отмечены высокой христианской духовностью, которая соединяется с философичностью и даже выраженным академизмом. Конисский-художник остается прежде всего мыслителем и пастырем, благовествующим о Христе Спасителе, о чистоте и бессмертии человеческого духа.

Литература

1. Георгий Конисский, Воскресение мертвых // Летописи русской литературы и древности, издаваемая Николаем Тихонравовым. – М.: Типография Грачева и комп., 1861, Т. III, Кн. 6. – С. 39–58.
2. Петров, Н. Драматические произведения Георгия Конисского // Древняя и новая Россия. – 1878. – № 11. – С. 245–256.
3. Пушкин, А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6. Критика и публицистика. – М.: Художественная литература, 1976. – С. 83–95.
4. Собрание сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского, с портретом и жизнеописанием его. Изд. Протоиереем Иоанном Григоровичем. – СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1835, Т. 1–2.